

УДК 93 (01)

Мазаев Р.М.¹

CULTURAL HISTORY: ИСТОРИЯ, КОНЦЕПЦИЯ, ПРОБЛЕМАТИКА

Санкт-Петербургский государственный университет

Mazaev R.M.

CULTURAL HISTORY: HISTORIOGRAPHY, CONCEPT, ISSUES.

Saint-Petersburg State University

Реферат: *Статья посвящена проблематике культурной истории, изучающей культуру как автономную область жизни общества. Рассматривается процесс развития методологии культурной истории с конца XIX в., когда основной исследовательский интерес был сосредоточен на каноничных образцах высокой культуры. В середине XX века культурная история подвергается влиянию социологии, герменевтики, а затем и антропологии. Обострение интереса к ней происходит в 1970-е гг. в связи с «лингвистическим поворотом» в исторической науке. Так же анализируется существующая проблематика в отношении определения предмета культурной истории и методологии работы с источниками. Дается краткое изложение базовых идей теоретиков культурной истории.*

Ключевые слова: *Культурная история, герменевтика, культура, историография, методология, лингвистический поворот, символ.*

Abstract: *The article is devoted to the history and problems of such a direction of historical science as cultural history, which studies culture as an autonomous region of the life of society. We consider the development of the methodology of cultural history from the end of the XIX century, when the main research interest was fo-*

---

¹ Мазаев Руслан Михайлович – студент института истории Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: ruX12345@gmail.com

cused on the canonical samples of high culture. In the middle of the 20th century, cultural history was influenced by sociology, hermeneutics, and then anthropology. The escalation of interest in it occurs in the 1970s. in connection with the "linguistic turn" in historical science. The existing problems are also analyzed in relation to the definition of the subject of cultural history and the methodology of working with sources. A brief summary of the basic ideas of theorists of cultural history is given.

Keywords: *Cultural history, hermeneutics, culture, historiography, methodology, linguistic turn, symbol.*

Пожалуй, если нам потребуется указать наиболее значимую тенденцию, проявившуюся в массовом сознании за последние тридцать-сорок лет, то это будет активизация всеобщего интереса к проблемам культуры и социальных ценностей. Безусловно, этот тренд не мог не затронуть и сферу наук, особенно гуманитарных. Одновременно с этим процессом протекает и иной, актуализируется некое имманентное стремление к созданию синтезирующей гуманитарной дисциплины, способной объединить всё более дробящиеся культурологические штудии, этой дисциплиной является Cultural history (культурна или культуральная история [4, с. 12]). Такой термин использует переводчик И. Полонская при переводе работы П. Бёрка «What is the cultural history?». По-видимому, переводчик в данном случае следует за тенденцией, сформировавшейся в 2000-е гг. в отно-

шении культуральной социологии, противопоставляемой культурной социологии. Однако, с точки зрения русского языка, эта калька выглядит стилистически неподходящей, поскольку слово «культуральная» действительно имеется в русском языке, но относится к области микробиологии.

Зарождение ее относится ещё к XIX в. Одной из первых работ, относящихся к ней, является «Цивилизация Возрождения в Италии» (1860 г.) Я. Буркхардта, а сам термин был введен в 1897 г. К. Лампрехтом. Как это видно, свое происхождение культурная история ведет из Германии, однако во второй половине XX века, наиболее обильные плоды дала она в американской школе. Кроме того, заметны Британская школа, хотя и стремящаяся отделить себя от культурной истории, рассматривая себя как социальную антропологию, а так же Французская, связанная, в

первую очередь, со школой «Анналов», исследованиями ментальности и социологией воображения Ж. Дюмезиля.

Таким образом, культурная история представляет направление исторической науки, в рамках которой осуществляется исследование культуры, понимаемой как некой генеральной общности или обобщенного механизма адаптации социума. Предпосылками или, скорее, первыми шагами ее развития служили работы ряда авторов, принадлежащих к разным направлениям. Упомянутый Я. Буркхардт, а так же знаменитый медиевист Й. Хейзинг (автор «Осени средневековья» (1919 г.), в своих работах обращались к проблемам культуры, рассматриваемой как «дух времени» (*Zeitgeist*). Основным предметом их интереса была высокая культура, некий «канон», изучаемый и как произведение индивидуального гения, и как знамение эпохи [4, с. 18-23]. Совершенно иным, но не менее важным, повлиявшим фактором, явилось исследование культуры как фактора общественного развития в трудах социологов 2-ого (М.Вебер и его «Протестантская этика и дух капитализма») и 3-ого поколения (Н. Элиат «Процесс цивилизации»). Ими были подняты два принципиальных вопроса:

Каков механизм формирования культуры? И каковы принципы влияния культуры на социум?

Значительным этапом явилось внесение в исследование культуры метода герменевтики, прежде перенятого из библейской критики семиотикой и искусствоведением. Э. Кассирер вводит принципиально важную проблему в рамки своего исследования - «Философия символических форм» - проблему символа. Он отмечает, что символ является собой средство познания и самопознания индивида, а так же обществ в целом. В связи с этим оказывается возможным проведение параллелей из различных областей культуры, синхроничных по времени, например, готической архитектуры и схоластической теологией [15, с. 35-48].

Кроме того, следует упомянуть влияние, которое оказала марксистская критика в отношении культурной истории. Марксистами подчеркивалась значимость классового подхода в отношении культуры, то есть исследователю было необходимо различать те ценности и нормы, которые присущи той или иной социальной общности. При этом большое внимание отдавалось культуре низших или «подчиненных», в терминологии А. Грамши, классов. Указывалось на влияние экономики

и социального строя на развитие культуры, хотя иногда и упрощаемо в вульгарном марксизме представлением о грубом детерминизме «базиса». Правда, в рамках дискуссий самих исследователей – марксистов, были подняты ряд методологических проблем. Можно ли признать возможность влияния культуры на общественные и производственные отношения, а так же и производственный базис? Ответом на него послужили теории структурного марксизма Т. Адорно и культурной гегемонии А. Грамши [18, с.75-83; 136-144]. Так же не ясным был сам принцип выделения общественных классов, а тем более такого текучего понятия как «классовая культура». Рядом исследователей было выдвинуто решение, следовало рассматривать в рамках класса более мелкие культурные единицы – субкультуры, способные оказывать влияние друг на друга [18, с. 108-128].

Следующей тенденцией, которую следует упомянуть, является влияние антропологии. В целом, усиление интереса к ней связано с общим трендом в социальных науках к ценностно ориентированным теориям и отходу от аксиомы человеческой рациональности [7, с. 112-117]. В связи с рецепцией антропологиче-

ской методологии, исторические исследования стали представлять скорее не изучение каузальных связей в историческом процессе, но дискрептивный анализ исторических явлений [4, с. 56-61]. Начал активно привлекаться этнографический материал, добытый при изучении народов, стоящих на низших ступенях исторического развития, для сравнения с практиками, имеющими место в истории современных народов. Это, в свою очередь, послужило одним из факторов обращения многих исследователей к истории традиционного общества Европы и, особенно, к культуре ее низших слоев.

Кроме того, важно отметить значение структурализма К. Леви-Стросса, его работы, очевидно, повлияли на стремление историков рассматривать общество, исследуемого ими периода, как неиерархическую структуру, в рамках которой каждый элемент функционально взаимосвязан с другим [8, с. 7-15; 537-538]. На основе критики структурализма сформировался «драматический подход», акцентирующий внимание на чувственном влиянии, оказываемом общественными практиками и их значимости для поддержания жизни социума. Исследовательское поле сторонников «драматического подхода» крайне вели-

ко и простирается от особенностей функционирования политических институтов на Бали в XIX в., до специфики построения философской аргументации у Платона [10, с. 28-33].

Важными тенденциями в общественной жизни, повлиявшими на культурную историю, были идеологии постколониализма и феминизма второй волны. Изучение проблемы репрезентаций, областью, в рамках которой манифестом явилась работа Э. Саида «Ориентализм», явилось неким базисом для последующих работ по проблематике социальных и ментальных границ [19, с. 15-42]. Усиление внимания к роли женщины в мировой истории привело к формированию социальной теории гендера и интересу историков культуры к проблемам «культуры потребления», являющейся изнанкой находящейся до того в фаворе у исследователей, «культуры производства» [4, с. 79-81].

К концу 1970-х гг. в рамках культурной истории обозначился ряд проблем, до конца не решенных и до сих пор. Наиболее значимой из них была проблема определения понятия «культура». Ведь без более-менее четкой дефиниции предмета исследования, сам факт существования культурной истории ставится под

вопрос, однако большинство культурных историков склоняется к пониманию специфики направления, исходящего не из предмета, но метода исследования [4, с. 51-52]. Так же неопределенным было понятие «народной культуры». Не ясно, какие критерии можно применить для включения культуры тех или иных групп в ее рамки. Можно ли назвать общественные элиты частью народа? И даже если нет, то нельзя не признать факт взаимовлияния культуры верхов и низов общества. Да и сами эти «верхи» и «низы» не однородны, в их рамках существует множество отдельных групп, имеющих географическую, этническую, профессиональную, возрастную, гендерную идентичность [14, с. 227-240]. Причем неясно, каким образом эту идентичность можно уловить, т.к. ее выявление есть процесс поиска некоей традиции. Но в этом отношении имеется две проблема. Сама традиция имеет внутренние тенденции к развитию, адаптации к изменчивым условиям. К тому же часто инновация может внешне полностью копировать формы традиции [17, с. 3-33].

Не меньшее число проблем имеется в отношении к методам работы с источниками. Классический историко-филологический метод, при котором происходит выявление ин-

формации из источника посредством его критики, сталкивается с существенными трудностями, особенно ясно проявившимися в связи с «лингвистическим поворотом». Очевидным становится, что информация, содержащаяся в источнике, не тождественна не только с тканью исторической реальности, но и с самим представлением автора источника, постольку, поскольку для понимания этой информации требуется полное восстановление контекста, что в принципе невозможно [16, с. 95]. То же относится и к методам «серийной истории», оперирующей массовыми источниками [4, с. 40-42].

Появление термина «новая культурная история» связано со стремлением исследователей отмежеваться от социальной и интеллектуальной истории, чей предмет исследования уже, а так же прежней культурной истории, не затронутой «антропологическим поворотом» [4, с. 82-83]. Укажем важнейшие основания, используемые в исследованиях новой культурной истории. Это развитая М. Бахтиным идея карнавала в средневековом обществе, являющегося механизмом смещения низкого и высокого, культуры элит и культуры низов [3, с. 159-172]. Так же исследователем было введено представление о «полифонии», то есть

искусственном конструировании в рамках текста нескольких дискурсов [2, с. 3-78]. Далее, укажем вклад Н. Элиаса, исследовавшего историю обеденного этикета у дворов средневековой Европы. Им были введено понятие «порога терпимости» и «порога отвращения», культурных барьеров, являющимися критериями для общественного контроля [13, с. 30-51]. Именно, они явились базисом такого важного для эпохи Просвещения понятия как цивилизованность «civility» [6, с. 45-47].

Новый взгляд на характер развития культуры внес М. Фуко, применивший теорию парадигмальных революций, разработанную Т. Куном, в отношении культуры. Развитие культуры рассматривается как ненаправленное, но скорее связанное с потребностью адаптации и, зачастую, подверженное воле случая [11, с. 155-168]. В рамках культурной парадигмы находятся нормативные и ценностные образцы, которые навязываются обществом. Это представление близко к теории «культурных полей» П. Бурдьё, рассматривавшего экономические, политические, культурные и прочие плоскости общественной жизни как существующие автономно. Их взаимодействие представляет собой акт социального взаимодействия индиви-

дов и общностей. Ресурс для этого выступает «капитал» как экономический, так и символический [5, с. 87-96]. Средством поддержания гегемонии определенной общности является построение социальных институтов, ретранслирующих социальные ценности группы гегемона. В рамках активности этих социальных институтов осуществляются социальные практики, являющиеся реальными действиями, но всегда связанными с некими представлениями о символах, ценностях и нормах [5, с. 272-293].

В этой связи находится пересмотр проблемы материальной культуры, исследования которой с 1980-х гг. все чаще начинает иметь в виду проблему соотношения предмета реальности и образа. Культурных историков привлекает влияние нормативных образцов и социальных стереотипов на материальную культуру, ее производство и потребление, в первую очередь, пищу, одежду, архитектуру. В этой связи находится и исследования телесности, возникшие из синтеза антропологических исследований и истории медицины [4, с. 109-116].

Возникшее в 1970-е гг. представление о репрезентации, как системе формирования представлений, уо-

реняющихся в рамках общественного сознания и влияющих на прочие области жизни социума, оказала влияние на развитие конструктивизма. Наиболее ярким его проявлением явилась деконструкция общественной памяти [12, с. 17-55; 307-326], проблем ее формирования и отражения в материальном мире в «местах памяти» [9, с. 17-50]. Это методологическое новшество послужило средством выяснения особенностей механизма формирования «воображаемы сообществ», то есть того, как строится идентичность определенных социальных общностей [1, с. 5-71]. Прежде всего, этнических и политических.

Таким образом, новая культурная история представляет собой синтетическую область исторических исследований, или даже мультидисциплинарную область, которая совмещает в себе элементы таких наук, как: социология, экономика, литературоведение, лингвистика, искусствоведение, географии, биологии и так далее. Пожалуй, предметная область культурной истории не поддается ограничению, но ее специфической чертой является методология, однако, также чрезвычайно разнообразная.

Список литературы

1. Андресон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В.Г. Николаева. М.: Канон-пресс, 2001.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневекового ренессанса. М.: Художественная литература, 1975.
4. Бёрк П. Что такое культуральная история? / Пер. И. Полонской. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2015.
5. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.
6. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
7. Кабешкин А.С. К переосмыслению понятия рациональности // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 13. С. 112-117
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / Пер. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
9. Нора. П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуфа и др. / Пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-55.
10. Прокопенко В.В. Нарратологический поворот и становление драматической парадигмы в платоноведении // Вестник РХГА. 2013. Том 14. № 3. С. 28-33.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. В.П. Визгина и Н.С. Автономова. СПб.: А-сacд, 1994.
12. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2002.
13. Элиас. Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. А.П. Кухтенова. М.: Языки славянской культуры, 2002.

14. Hall S. Notes on Deconstructing the “Popular” // *People’s History and Socialist Theory* / Edited by Samuel R. L: Oxford University Press., 1981. P. 227-240.
15. Panofsky E. *Gothic Architecture and Scholasticism*. New York: World Publishing Company, 1957.
16. Parthen N. F. Making Up Lost Time: Writing on the Writing of History // *Speculum*. 1986. Vol. 61. № 1. P. 90-117.
17. Phillips M.S. *Questions of Tradition*. Toronto: University of Toronto Press, 2004.
18. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford: Oxford University Press, 1978.
19. Young R.J.C. *Postcolonialism. An Historical introduction*. London: Blackwell Publishing Ltd, 2001.

References

1. Andreson B. *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma* / Per. V.G. Nikolaeva. M.: Kanon-press, 2001.
2. Bahtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo*. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1972.
3. Bahtin M.M. *Tvorcestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekovogo renessansa*. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975.
4. Bjork P. *Chto takoe kul'tural'naja istorija?* / Per. I. Polonskoj. M.: Izdatel'stvo Vysshej shkoly jekonomiki, 2015.
5. Burd'e P. *Sociologija social'nogo prostranstva* / Per. N.A. Shmatko. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii, 2005.
6. Vul'f L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* / Per. I. Fedjukina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
7. Kabeshkin A.S. *K pereosmysleniju ponjatija racional'nosti* // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Kul'turologija*. 2009. № 13. S. 112-117
8. Le Goff Zh. *Civilizacija srednevekovogo zapada* / Per. V.A. Babinceva . Ekaterinburg: U-Faktorija, 2005.

9. Nora. P. Mezhdu pamjat'ju i istoriej. Problematika mest pamjati // *Francija-pamjat'* / Pod red. P. Nora, M. Ozufa i dr. / Per. D. Hapaevoj. SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 17-55.
10. Prokopenko V.V. Narratologičeskij povorot i stanovlenie dramatičeskoj paradigmy v platonovedenii // *Vestnik RHGA*. 2013. Tom 14. № 3. S. 28-33.
11. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk / Per. V.P. Vizgina i N.S. Avtonomova. SPb.: A-cad, 1994.
12. Uajt H. Metaistorija. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka / Per. E.G. Trubinoj i V.V. Haritonova. Ekaterinburg: Izd. Ural'skogo universiteta, 2002.
13. J Elias. N. Pridvornoe obshhestvo: Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii / Per. A.P. Kuhtenova. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002.
14. Hall S. Notes on Deconstructing the "Popular" // *People's History and Socialist Theory* / Edited by Samuel R. L: Oxford University Press., 1981. P. 227-240.
15. Panofsky E. Gothic Architecture and Scholasticism. New York: World Publishing Company, 1957.
16. Parthen N. F. Making Up Lost Time: Writing on the Writing of History // *Speculum*. 1986. Vol. 61. № 1. P. 90-117.
17. Phillips M.S. Questions of Tradition. Toronto: University of Toronto Press, 2004.
18. Williams R. Marxism and Literature. Oxford: Oxford University Press, 1978.
19. Young R.J.C. Postcolonialism. An Historical introduction. London: Blackwell Publishing Ltd, 2001.